

Наталья Русинова

ТАЙНА ПРОКЛЯТОГО ДАРА

Нечистая печать пробуждает
небывалую силу

Наталья Русинова
Тайна проклятого дара
Серия «Славянская мистика»

*<https://litres.ru/71890276>
ISBN 978-5-17-173146-5*

Аннотация

<r>В пылу ссоры деревенская девица в сердцах поклялась, что скорее выйдет замуж за лешего, чем станет женой обычного человека. Не стоило ей этого обещать. Тем более в ночь на Ивана-травника, когда у всей нечисти праздник. Услышал яростные слова дурёхи тот, о ком в их селе лишь шёпотом говорили. Теперь он явился за своей невестой. Но что это будет – страшное наказание за легкомысленное обещание или неожиданный дар судьбы?</r> <r>Эта история о силе настоящей любви, способной преодолеть любые преграды, о самосовершенствовании и смелости, которая помогает пройти через дремучие чащи и бросить вызов самому могущественному лесному колдуну ради обретения собственного счастья.</r>

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Наталья Борисовна Русинова

Тайна проклятого дара

© Наталья Русинова, текст, 2025

© Юлия Миронова, илл. на обл., 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

Пролог

Стоянко сам не понял, как заблудился.

Вроде бы только что бежал по тропе между двумя кривыми кустами ольшанника, спасаясь от преследователей. Про это место ещё народ в деревне баял, мол, вход в лесное царство, заходить надо с поклонами да краюхой хлеба.

А он нынче и без краюхи, и без поклонов. Думал лишь, как ноги благополучно унести от задиры Фрола и его сотоварищей. Вот и промчался, земли под собой не чуя. Пот так и лился струёй по хребту.

«Сироту да бедняка каждый норовит обидеть, – приговаривал частенько старик Анисий, подсовывая ему то пряничек, то ломоть пирога с мясом. – Ничего, Стоян, ты телом пока слаб, зато духом крепок, а сердцем, наоборот, мягок. Это хорошее дело, даже в лихую годину тебя достойным человеком сохранит».

Сейчас же Стоянко лишь зубами скрипнул, вспоминая деловы речи, тихие да тягучие. Конечно, ему-то куда спешить? Его поганый Фролка с дружками не дразнит ежедневно, не цепляется к заплаткам на коленях и локтях, не тычет пальцем в кривые да косенькие лапоточки! Неужто непонятно, что был бы батька в живых, сплёл бы какие получше? А так что у самого получилось...

И вот на тебе, пошёл за новым лыком в лес и столкнулся с

давними недругами прямо на опушке! Драпал так, что ажно сердце чуть из груди не выскочило, задыхался от быстрого бега, хватаясь за бок, в который словно вилы воткнули. А злые насмешки летели ему в спину комьями грязи, только били больно не по плечам и спине, а по самолюбию.

«Ничего я не добрый, – думал он, кусая губы, чтобы не расплакаться. И так мчался через лес, не разбирая дороги, – слёзы застилали глаза. Потому и заплутал. – Не желаю я доброхотом быть. Злодеям легче живётся, они ни о чём не переживают...»

Всё, решительно всё пошло с утра наперекосяк. Лапоточки порвал, и седмицы проносить не удалось. Матушка рассердилась с утра, что чашку расколотил, ещё и пирог, из печи доставая, едва на пол не вывернул. В сердцах и велела убираться к лешему.

Он и убрался – к деду Анисию, через дыру в заборе между дворами. Добрый сосед накормил его хлебом и простоквашей и отправил в лес за лыком. Принесёшь, мол, самого лучшего, я уж сам тебе новые лапти сплету. А на матушку велел не сердиться, объяснил, что бранится она от большой усталости. И надобно ей чаще помогать, ибо он, Стоянко, после бабкиной кончины у неё одна надежда и опора.

Вот и пошёл Стоян за лыком, а вышел непонятно где. Он озирался по сторонам и понимал, что никогда в этих местах не бывал. Сосны высоченные, голову запрокинешь – всё равно верхушек не видать. Ветви сомкнуты над головой, будто

крыша огромного дома. Чуть пониже плотная можжевельная стена – сколько ни вглядывайся, ни одного просвета не найдёшь. И коряги серые то тут, то там валяются в колосках мятлика.

– И впрямь леший водит, что ли? – пробормотал он и вздрогнул: голос прозвучал в здешней тишине тоненько и жалобно. Тут же поспешил выругаться – ему уж десятый год, почти взрослый мужик, а пищит, как плаксивая девчонка! – Не води! Не боюсь я тебя! Выпусти, а не то...

И на этих словах в лицо ему дохнуло смолой да ледяным ветром. Так мог бы дышать можжевельный куст, будучи живым. Стоянка невольно задрожал, обхватил себя тощими ручонками, пытаясь спрятаться от холода, который так и лез под рубашку. По колючей плотной стене прошла рябь, затем ещё и ещё. Мальчишка невольно попятился.

А затем кусты с шелестом раздвинулись, роняя на землю пригоршни зелёно-рыжих иголок, и на тропу вышел он. Стоянка успел увидеть руки-сучья едва ли не до земли, поросшие мшистыми страшными бородами. Светлые, почти белые волосы, что рассыпались в беспорядке по плечам. Личину, вырезанную из древесной коры – точно такую же таскали на Святках деревенские парни, что прятались за колодезным срубом и пугали до истошного визга явившихся за водой баб. И глаза в ней моргали совершенно человеческие, потому Стоянка и всплеснул сердито руками.

– Ты чего вырядился? Ещё и ветки под рукава насовал!

До зимы ещё прорва времени! Или тебя Фролка подослал? Ну? Чего молчишь? Отвечай! Кто ты?

Чужак и впрямь молчал, тихонько покачиваясь из стороны в сторону. Затем моргнул раз, другой – и на деревянной личине будто сам собой проступил безгубый рот, съёжился в скорбную гримасу. Лес вокруг заскрипел ветвями, зашелестел колосками мятлика, бросил оторопевшему Стояну в лицо горсть сухих листьев.

– Хозяин... прис-с-с-слал за тобой, – зашипело в ушах. – Пш-ш-ш-шли...

Стоянко силился что-то сказать и не мог. Тело сковало стылым ужасом от пяток до гортани. Он понял наконец, что деревянная личина была настоящим лицом. Заперхал, пытаюсь откашляться, рванулся с места что есть силы, пытаюсь одолеть навалившуюся дурноту...

Лес перед глазами дрогнул, накренился. Стоянко упал головой в мягкий зелёный ковёр, усыпанный сосновыми иголками. Увидел кусочек синего неба в вышине и запоздало удивился, отчего оно здесь такое высокое.

А затем мир заслонила деревянная харя с кривым безгубым ртом.

Глава 1

Ночь на Ивана-травника

– Яринка! Яринка! – визгливый голос бабки Агафьи разносился по саду. – Куда запропастилась, окаянная?!

Яринка вздрогнула и едва не скатилась с толстой ветки, ложившейся краем на высокий дощатый забор. Место, где живое дерево соприкасалось с мёртвым, щедро оплетали колючки. Вжалась спиной в шершавый ствол, стараясь даже не дышать.

Нет, пронесло. Бабка с кряхтением потелепалась к ульям, стоявшим за их двором на косогоре, под которым начинался широченный луг. Яринка выдохнула с облегчением. Хорошо, ветка пополам не треснула от её ерзаний во все стороны. Хотя, в ней и весу-то особого нет, с чего там трескаться? Жилы да титьки, как метко, хоть и обидно, заявил один из соседей.

Вот Варькины бы прыжки дерево не выдержало точно. Раздобрела сестрица к прошлой зиме, и неудивительно – к сватовству готовится, и жених даже нашёлся. Вперёд сестры замуж решила выходить. Но Яринка не обижалась. Ей-то что? Ни рожи, ни кожи, вдобавок характер скверный, язык острый, а кулак проворный, в переносье обидчиков бил справно ещё сызмальства. И получается, что присматрива-

лись женихи больше к приданому, чем к самой невесте. А коли так, зачем они нужны?

Лучше уж при стариках своих пожизненно остаться, приглядывать за обоими, а там видно будет. От Яринки в семье сплошная польза: работы тяжёлой не чурается, пчёл с пасеки не боится и в лекарских травах, хоть немного, да понимает. У Варьки не получалось бабкину науку перенять, а Яринка на лету схватывала. За глаза её некоторые соседи ведьмой называли, но уж это было неправдой. Просто в дальних глухих деревушках, вот как их Листвянка, лекарей иных нет. Или травами да баней тело и дух врачуешь, или помирать придётся. К тому же дед тяжело болел уже много лет, как без снадобий?

Вот и обучились обе потихонечку, нужда заставила, а добрые люди знаниями помогли. Не всегда получалось, конечно. Помнится, зим семь назад дед Еремей пробовал её зельем от ломоты в костях полечиться, так в нужнике двое суток сидел. С малыми перерывами. Ох, и отлупила ж её тогда старая Агафья! А главное – за что? Ломота у деда сразу ведь прошла. Побегай-ка во двор до ветру и назад, в тёплую избу!..

– Яринка, бабка тебя ищет! – раздался у смородиновых кустов голос младшей сестрицы. – Злющая она сегодня. Сватов ко мне со дня на день ждёт, а дома не метено, не убрано, половики не выбиты, стенки не подмазаны, печь не белена с осени...

– Ну так сама бы подмела да убрала, – огрызнулась Ярин-

ка. — Я вам нанималась, что ли, с утра до вечера грязь на венник наматывать? И так до петухов сегодня встала, притирки вам с подружками для красоты готовила.

Послышались шорох и ойканье — Варька полезла через заросли, и ягодные пятна расцветали на рукавах её рубахи. Встала рядом — щекастая, курносая, румяная, как маков цвет. Светлые кудри из-под платка выбиваются. До чего ж хорошенькая! Яринка ей даже не завидовала — толку-то? Ей и вполтину такой красивой не стать никогда, хоть заполоскайся в тех зельях да притирках. И волос в потёмках да при свечах в избе вроде каштановый, а на свету тёмно-рыжий, чем больше за ним ухаживаешь, тем ярче сияет. И конопушки по телу рассыпались, пуще всего — по носу и плечам. И глазищи непонятного цвета — как папоров лист, иссохший от жары.

То ли дело сестрица. Жених её говорил, мол, в Торуге куколки в богатых лавках продаются из фарфора заморского, страсть как на Варю похожи: голубоглазые, крутобёдрые и волосы будто золото! И стоили те куколки не меньше стельной коровы. Да и вообще цены в столице на всё непомерно задраны: порт рядом, иноземцев прорва, вот и купцы всякий стыд потеряли. Потому и привёз Ванька невесте из гостинцев алый платок с кистями да резное коромысло. Варька и обиделась — не по нраву его дары пришлись.

По правде говоря, дары-то, может, и ничего, да сам Ванька выглядел неказисто — тоже щекастый, лицом нежный, нра-

вом кроткий, тьфу, срамota одна. Это девке округлой да тихой быть хорошо. А мужику зачем? Ещё и грамоту почти не разумел, только закорючки на бересте ставить мог: кому, куда и за сколько продан тот или иной мешок муки. Он же сын лавочника, ему иных знаний и не надо, прибыль считать да в оборот пускать – и хватит.

А Варьку с Яринкой заезжий княжеский кметъ четыре года назад и считать, и читать обучил в благодарность за спасённую жизнь. Дело было так: ехал он по первым заморозкам из Торуги в дальнее Зауголье с дарами к святым отцам. Золотишко вёз да книги – тяжёлые, богато украшенные, переплёт из тончайшей кожи. Да тронулся в путь с пятью конниками всего. На них скопом в лесной чаще и навалились разбойники, охрану в капусту порубали, а дядьку Бориса ранили сильно. Он от боли сомлел, а негодяи решили, что помер. Золотишко пригребли себе, книги бросили. Одна только и уцелела, остальные снегом побило, страницы попортило.

Обнаружили его поутру девки, что по дикую рябину в лес пошли. Ох и крик поднялся! Хорошо, Яринке в тот день тоже дома не сиделось, решила с ними проветриться. Живо велела дурным визгуньям сухую да побитую морозом траву рвать, которая пожётче. Сама же в то время ножичком ивовых ветвей настругала. Да, ножик у неё всегда был с собой, а как иначе? Не всякая трава корни да побеги без боя отдаёт, иногда и срезать приходится. И не голыми руками, а через

рукавицу.

Дотащили раненого до деревни на волокуше из веток, связанных стеблями, а там и мужики деревенские помогли. Поселили кметя у бабки Агафьи да деда Еремея – у них удобный навалом, раны перевязывать научены. Однако чаще за ним ухаживала Яринка. У Агафьи и без него забот было по горло, а с Варьки в лекарских делах проку никакого, она кровищу едва завидит – в обморок падает.

Поначалу робела – мужик чужой, огромный да жилистый, весь седой да в шрамах с палец толщиной, будто крапивой его с утра до ночи стегали. Мало ли, чего от девицы захочет? Ему поди откажи, здоровенному-то... Напрасно боялась. Воин княжий её не обижал, молча терпел промывания едкими настоями, только шипел сквозь зубы. Протянул как-то мозолистую лапищу, погладил Яринку по голове. Та аж обмерла, а дядька улыбнулся ласково и сказал хриплым басом:

– На дочку ты мою похожа, ягодка. Такая же проворная да бойкая.

Так и звал её с тех пор – дочкой да ягодкой. Иногда забывался и называл Настасьей, но Яринка понимала, что к чему. И Настасье той отчаянно завидовала. Своих-то родителей она плохо помнила, а Варька и вовсе не знала. Померли от лихорадки Свят да Маланья, почитай, зим шестнадцать назад, как раз в ту пору, когда младшая дочь родилась. Именно тогда дед от горя хворать начал, будто проклинал его кто. Бабка всю тяжёлую работу по дому выполняла, а следом и

Яринка подтянулась, как чуть подросла. Жили не шибко богато, но и не голодали. Куры на насестах задорно квохтали да справно неслись. Две коровёнки в хлеву дружно мычали и так же дружно доились. А вот лошади не было – кому с ней управляться, в поле пахать да объезжать регулярно? Потому и муку с зерном у соседей выменивали на сметану с творогом, мёд да целебные настои.

Куском хлеба старая Агафья сирот ни разу не попрекала. А вот ленью да безалаберностью – бывало частенько.

А дядька Борис ни разу плохого слова не сказал, пока жил с ними ту зиму. Причём ведь аккурат к празднику Богоявления дружинники за ним приезжали из Торуги – оказывается, не простого воина девки спасли, а сотника, которому прочили должность воеводы. Вдобавок родственника самого князя! Неблизкого, правда. Про такое родство люди говорили: «Твоя бабушка его дедушку из дальнего села за уд срамной вела». Но всё ж таки своя кровь, пусть и крепко разбавленная.

Однако сотник ехать домой наотрез отказался – куда едва живому, застудиться по дороге и помереть уже окончательно? Потому и остался. Хотя его и староста Антип к себе зывал, мол, у меня места больше, перины да подушки мягче.

Нет, тот ни в какую. Только и сказал, как отрубил:

– Не пристало воину пузо на перине растить. Мне и тут хорошо.

А сам, едва очухавшись, взялся за посильную работу –

стыдно сиднем сидеть, когда три бабы вокруг целыми днями выплясывают: то поесть, то попить, то до нужника довести. Все лавки с сундуками в доме починил. Ложек да плошек настругал целую кучу – красивых, резных, не у каждой купчихи такие есть! Варька с Яринкой ахали восторженно, а сотник только посмеивался. И объяснял, что у воина руки не под одну саблю растут, и должен он уметь не только разрушать, но и созидать. И много чего ещё интересного и непонятного говорил.

А потом взялся девок обеих грамоте обучать, по той уцелевшей книге. Истории в ней были занятные: про витязей, которые нечистое войско побеждали силой духа, про храбрцов, что действовали не телесной могутой, а хитростью, и про красных дев, выходивших замуж по любви за князей да царей. В крайнем случае за воина, который одним махом семерых побивахом, или за удальца, каких мир не видывал: мог и жар-птицу добыть, и яблоки молодильные, и много чего ещё.

Вот с тех пор Варьке и втемяшилось в башку, что муж ей нужен непременно городского сословия, чтобы грамоту разумел. И обязательно добрый да щедрый. А Ванька – сын лавочника, только деньги считать умеет. Читать ему без надобности. И деньгу на куколку из фарфору зажал, стервец. Потому Варька и обижалась и на Ивана-травника гулять с ним идти не хотела.

Бабы деревенские бы её не поняли, зато Яринка прекрас-

но понимала. Она-то вообще никаких замужей не жаждала, пропади они пропадом. Деревенские парни на язык злы, обзывают головешкой палёной и курицей рябой, а сами в вырез рубахи, на груди, плятятся. На Иванов день у костра плясать с ней все готовы, а жениться... Вопрос хороший. Приданое-то есть, но не шибко богатое. А к нему и характер неуживчивый, и дед с бабкой, которым надо помогать с каждым днём всё. А невестка в новой семье – в первую очередь работница. А тут к ней вдобавок два нахлебника...

Да и за кого идти? Один дурак-дураком, второй запойный, третий скотину тиранит, лошадей за малейшее непослушание кнутом до мяса охаживает. В дальнюю деревушку тоже не хочется, Агафья хоть и вредничает, да всё ж своя кровь, родная... А там кто Яринке поможет в случае беды?

– Сестрица, не хочу я за него, – прервал тягомотные мысли Варькин жалобный шепоток. – Помоги мне! Отвадь его от дома! Вместе со сватами!

– А потом меня бабка следом за ними из дому попрёт, – Яринка мрачно усмехнулась. – А родичи его с нами вообще расплюются, ни муки не продадут, ничего. Жить как будем? Поле пахать? Или тебя вместо лошади в плуг запряжём?

Варька ничего не ответила, лишь стояла, глотая слёзы.

– Ну чего ты ревёшь, а? Ну чего? – Яринка вмиг прекратила ёрничать, спрыгнула на землю и протянула руки. – Иди сюда.

Варька с готовностью уткнулась ей в плечо и захлопала

носом. Вот уж кто любил её беззаветно и искренне, безо всяких условностей в виде уборки, стряпни и беленького личика. И вроде бы причина для слёз совершенно дитячья – эка невидаль, куколку не купил! – а всё равно обида ведь искренняя, горькая.

– Ладно, – Яринка взяла сестру за пухлые щёчки и звонко чмокнула в самый кончик носа. – Придумаем что-нибудь. И не плачь, Иванов день сегодня. Будешь много реветь – водяник украдёт.

* * *

Нынешний год выдался нехорошим: по окрестностям то и дело шныряли банды лиходеев, искали, чем поживиться. А у них в Листвянке пятнадцать дворов всего, даже церкви своей нет. Зато живут далече, практически у глухого леса. Даже степняки, четверть века назад прокатившиеся по столице и окрестностям злобной вооружённой ордой, до их медвежьего угла не добрались.

Однако именно в те годы деревенские собрались скопом да поставили вокруг Листвянки укреплённый тын выше человеческого роста и две башенки деревянные, с которых мужики да парни днём и ночью дозор по очереди вели. Целое поколение на этих башнях выросло.

Степняков не дождались, хвала богам и старым, и новому. А вот лесные тати ломились порой. Получали по ведру

горящей смолы на головы, а кто с первого раза не понял, тех секли и плетьюми, и батогами, и чем ни попадя.

Ибо народ, живший в краю под названием Лесистая Балка, с чужаками особо не церемонился ни в их деревне, ни в остальных. Ещё и князь Мирослав даром хлеб не ел и подавать просто так не собирал – постоянно прочёсывали леса его дружинники. После чего численность разбойников в округе уменьшалась. Жаль, ненадолго. Здешний люд жил справно, не бедствовал, лес – он накормит и напоит, ещё и оденет. Потому нет-нет да шныряла вокруг всякая пакость, до чужого добра жадная.

Но сейчас, в великий праздник, временно позабыли о лиходеях. И без них дел хватало: молодёжь искала берёзки поветвистее по окрестным рошицам, плела венки, а к ночному гулянию снаряжала котомки да лукошки с варёными яйцами, хлебом и молоком.

Ярина тоже собиралась в лес – за банными вениками да дикоросами. Ночь на Ивана-травника раз в году бывает, и, если не напугаешься в чащу идти, будешь вознаграждена за смелость... Ну, если повезёт. Диких зверей да лихих людей со счётов сбрасывать тоже не стоило.

Но уж веников настругать и где-нибудь поблизости можно, лишь бы без посторонних глаз. Дюже полезные они, если в это время заготовить. А раньше ни-ни: старики говорят, примета плохая. Непременно чесотка нападёт.

К Иванову дню местные готовилась загода. Яринка ещё

сидючи на ветке над забором видела, как сын старосты, зубоскал, насмешник и похабник Прошка, тащился с огромным ведром к запруде. Друзья его, вечно нечёсанный Ешка да драчливый Венька, уже шарахались по улице в самом драном тряпье и косились в сторону их с Варькой избы. Точно, грязью облить удумали, поганцы, ждут, когда кто-то из сестёр за калитку выйдет!

Обычай дедовской, говорят. Всякая людина в нынешнюю пору должна быть вымыта или хотя бы в воде обмочена. А что вода вперемешку с болотной жижей – так предками заведено, и поди докажи, правда или нет. И хихикают при этом мерзко. Сами, небось, с Масленицы как следует не мылись...

Яринка со вздохом открыла сундук с приданым, которое шила-вышивала долгими зимними вечерами.

Швея из неё была так себе, и хвастаться особливо нечем. Из подарков будущему мужу лишь рубаха с косым воротом, портки из небеленого сукна да пояс. Зато не тканевый, а кожаный, с тиснением и узорами, пробитыми шилом. Дядька Борис научил и сам же подходящий кусок кожи помог выделывать. На вышитые тканевые пояса, которые носили деревенские, смотрел чуть насмешливо. А однажды и скривился, мол, девицам такое можно, а мужику на кой ляд? Пояс должен быть широкий и крепкий, чтобы и кошель на него повесить, и ножны для клинка. А если серебряными бляхами по всей поверхности украсить, и вовсе хорошо.

Бляхи из драгоценного металла Яринке взять было неот-

куда, пришлось довольствоваться тем, что есть. Но всё равно вышло справно: кожа крепкими нитками прошита, крохотные дырочки в обережные узоры складываются – вот утица с детушками, вот петухи, а вот лист травы петров крест, что от любой нечисти защитит...

Она аккуратно отодвинула вещи в сторону, нащупала под ворохом тряпья старые мужские портки – её собственные. В лес без них никак – комарьё заживо сожрёт. Собрала в лукошко лент, накануне нарезанных (на березки повязать), печёные яйца да хлеба два ломтя – себе и лесовикам. Обмотала ступни тряпицами, натянула сверху кожаные поршни – добротные, с двойной подошвой.

Последним в лукошко лёг нож с потёртой рукоятью в старых деревянных ножнах.

Яринка вышла на крыльцо, оглядела двор. Пёс сердито чесался у будки, выкусывая надоедливых блох, серая котиха Мурка намывала морду, сидя на заборе у битого горшка, – к гостям, не иначе. Точно, сваты же к Варьке собираются! Но не сегодня, поди. На Ивана-травника какое сватовство?

Не удержалась – зевнула, прикрывая рот. Хотелось вздремнуть хоть часок, да некогда. Столько забот сегодня! Ночью тоже в лес надо, ещё и подружки Варькины к кострам прыгать непременно уволочут. Хотя сейчас бы за вениками успеть.

Она вышла со двора, погружённая в думы, но чутьё не подвело – подняла голову аккурат в момент, когда подлец

Прошка подкрадывался к ней из кустов с ведром мутной жижи. Не стала ни ругаться, ни здороваться. Просто посмотрела в глаза и сказала отчётливо:

– Проклянущу говнюка.

Прошка тут же уронил ведро. А затем, видать, сам на себя разозлился – нашёл кого испугаться! Неприятная морда его перекосилась от гнева.

– Ну и дурища. Сидишь целыми днями в избе да листья прелые перебираешь, как ведьма лесная. Ни посмеяться с тобой, ни иного чего. Пчёлы да коровы – друзья твои первейшие. Так и помрёшь в девках. Никто тебя замуж не возьмёт. Того и гляди будешь брёвна сама таскать да сарайку латать.

– И ребёночка у тебя не будет, ежели только нагуляешь от кого. Смотри, Яринка, сегодня как раз ночь такая, когда всё можно, успевай! – поддакнул из кущей кто-то из Прошкиных дружков. – Всё равно невестой тебе вовек не стать, страхолюдине конопатой.

Вот не зря дядька Борис говорил, что нельзя дураков слушать, иначе сам таким же прослывеешь. Да только Яринка напрочь в тот миг про его слова забыла, так обидно ей сделалось. Аж до колючих брызг в глазах. Так бы и стукнула неведомого шутника корзинкой по лбу!

Да вот незадача: здоровенного Прошку никак ей не обойти без нового скандала, а пока он в сторону отодвинется – обидчик удерёт. И не опознать по голосу никак, чтобы потом при случае хвост накрутить.

Нечаянная злость опалила горло, и Яринка в сердцах ляпнула:

– Да я лучше с лешим лягу, чем с кем-то из вас, недоумков!

И рванула, сжав кулаки, по улице вверх.

Может, парни и припустили бы следом, гогоча и улюлюкая, но чужих глаз и ушей вокруг хватало. А Яринку, какой бы вредной она ни была, жалели: сирота, сызмальства даже тяжёлой работы не чурается, бабу с дедом пестует. И те же девки деревенские в спину шипеть могли, конечно, но перед ватагой парней непременно бы заступились.

Потому поганцы остались на месте, обиженно ворча ей вслед. А Яринка почти бежала к выходу из деревни, где за частоколом сначала шло ржаное поле, а затем развилка: направо – к речке Коврижке и мосту на наезженный тракт, налево – в берёзовый лесок с редкими вкраплениями ельника, из-за которого целились острыми пиками-макушками в небо вековые сосны. Огромный бор, и за месяц пешком не обойти. Да и на конях несподручно, в глубине и троп никаких почти нет, и мелкая коза не пролезет.

Как пролетела через поле – от обиды и не запомнила. Очнулась уже на опушке. Над ухом тут же загудел комар-кровопийца.

«Веток собираю, отдышусь чутка – и к речке. Пока вечер не настал и девки с венками к воде не потянулись, хоть испугнусь немного», – подумала она, прихлопывая гнуса ла-

донью. Жаль, с Прошкой и его дружками так же нельзя.

От встречи с парнями осталась только досада на саму себя. На дураков чего внимания обращать? А вот сама могла бы сдержаться, да и лешего всуе упоминать не стоило. Не те дни нынче, опасно. Его, конечно, вживую никто не видел, но ведь пропадали же порой люди в чаще и с концами. Вдруг не зверь дикий их поел, а духи нечистые к себе прибрали?

И дядька Борис здешний лес не любил. Ляпнул однажды в сердцах, что тот отнял у него самое дорогое, и замолчал, ни слова больше тем вечером не проронив.

А вот самой ей здесь было уютно. Порой уютнее, чем дома, и уж тем более на посиделках с другими девицами. Они в глаза-то улыбаются, а за глаза могут всякое говорить. Лес же никогда не обижал её и не пугал. Ни единого раза она здесь не падала, не ломала конечности, не наступала на гадюку или другую подобную пакость, не скатывалась по насту или грязи в овраг. А если нагрянут разбойники – Яринка наперечёт знала все укромные места, где можно затаиться и не выдать себя, даже если злодейский конь прошагает едва ли не над самой головой.

Она низёхонько поклонилась и вступила под прохладный берёзовый полог. Пахло свежей зеленыю, смородиновыми листьями и мокрой землёй – неподалёку звенел ручеёк. Где-то в глубине тропы тоненько свиристели лесные птицы.

Через несколько сотен шагов, когда по пути стали попадаться коряги, поросшие мхом, да поваленные деревья,

она положила краюху хлеба на самый приятственный с виду пенёк. Пахнущее сдобой и тёплым домом лакомство тут же облепили муравьишки.

— Прими дар, лесной хозяин, да открой путь-дорожку к травам заветным, — скороговоркой и шёпотом выпалила Яринка. — И прости, что во владения твои вторгаюсь да ветви ломать буду, я не со зла, мне для дела важного...

И осеклась — на миг ей показалось, что в спину упёрся чей-то колючий взгляд. Обернулась (и тут же ойкнула тихонечко: нельзя ведь оборачиваться, когда что-то мерещится!) — никого. Огляделась по сторонам, шикнула сама на себя, на трусиху, сквозь зубы. Снова посмотрела на пенёк — и ахнула: ломоть хлеба пропал, будто и не было.

Зубы невольно забили чечётку, по спине прошёл холодок. — Белка, наверное, утащила, — громко сказала она, чтобы разогнать внутренние страхи. — Или ворона.

Однако вокруг было тихо, ни белок, ни ворон, ни иных птиц. Только скрипели ветви деревьев, качаясь на ветру. Но откуда тут ветер? Вона какие берёзы высоченные. Листвяной полог над головой плотный, словно холстина для парусов, которые на заморские корабли ставили. Яринка от дядьки Бориса не раз о них слыхала — сукно чуть ли не с ладошку толщиной, удержит любой ураган.

Вот и здесь — сучья-то постукивали, но как бы сами по себе. А затем кудрявая зелёная ветка, годная на веник, а то и на венок, вдруг со скрипом отломилась от ствола и упала к

её ногам. Яринка взвизгнула, отшатываясь назад, запнулась и упала на спину. Только и успело мелькнуть в голове: «Там же камни да корни, хребет расшибу...»

И замерла, уже лёжа на земле. Больно не было, наоборот: мягко, словно в перине, набитой соломой, хорошо просушенной, но не колкой. Яринка осторожно повернула голову влево-вправо и обнаружила, что лежит на ковре из густого мха. Уютный, пушистый, несказанно приятный наощупь, он покрывал и узловатые корни берёз, и мелкие камушки, и тропу, поперёк которой она рухнула...

Ещё сто ударов сердца назад никакого мохового ковра тут не было.

– Ма-ма-мамочки, – Яринка не узнала своего голоса, внезапно осипшего. Засучила ногами, отползая в сторону, и тут ей на коленки рухнула другая ветка.

И Яринка завизжала. Визг взлетел под кроны деревьев, отчего они закрипели, ей показалось, с осуждением.

– Чего ш-шумиш-ш-шь?.. – вдруг зашептало вокруг. – С-с-сама же хотела веток наломат-т-ть...

– И веники вязать! – вдруг взвизгнуло откуда-то из-под сидалища, и Яринка с новым воплем буквально подлетела в воздух. Чудом вскочила на ноги, но тут же пошатнулась и едва не упала снова. Помешал шершавый берёзовый ствол, о который она опёрлась спиной.

А затем с ужасом поняла, что не может и шевельнуться – по телу, как живые, ползли побеги лапчатки гусиной, при-

вычного лекарям да травникам растения, чей отвар останавливал кровь и избавлял от судорог. Но обычно лапчатка стелилась по земле, и то больше у воды и на дне оврагов, где было не так жарко. А тут побеги в руку толщиной, откуда только взялись? Ухватили за ноги, оплели запястья. Самый толстый стебель обернулся вокруг талии и прижал Яринку ближе к стволу, она и ахнуть не успела. Дёрнулась раз, другой – бесполезно.

Вот сейчас бы вспомнить молитвы или же, наоборот, выругаться, как пьяный Прошка, что на той седмице после загула в местном кабаке потерял серебряную бляху с пояса, да так и не нашёл. Говорят, нечисть здешняя страсть как бранных слов не терпит, разбегается в ужасе. Но горло словно сжала чья-то невидимая ледяная рука.

Поэтому Яринка могла лишь наблюдать, как пространство вокруг затягивает зеленовато-белёсый туман, в котором не видно окрестностей уже на десять шагов в стороны и как выходит из него неведомое существо. Росту высокого, не меньше двух с половиной аршин. Тело, похожее на человеческое: конечностей по две, голова одна и туловище нормальное, да только сплошняком заросшее мхом. Белые волосы копной падали на плечи и спину, свисая почти до самой земли.

Лицо у существа было человеческим. И определённо мужским – густые мохнатые брови, борода до самой груди. Непонятно только, молодой или не особо... Да и есть ли у него возраст-то?

Яринка не удержалась, до боли прикусила себе нижнюю губу, чтобы не расплакаться. Про существо, к которому она попала в лапы, она слышала совсем другое. Нем, но голос имеет: орёт, угукает, плескает в ладоши. Людям показывается в виде зверя с рогами или старика в зипуне, у которого левая пола под правую заткнута, не как у обычных мужиков. Не подпоясанный.

Нынешнее чудище не имело с этими представлениями ничего общего. Разве что голова седая, как бабка и говаривала. И глазищи зелёные, и сияют гнилушками болотными.

– Здравс-с-твуй, девица, – то ли прошипело, то ли прошептало чудище. – Неуш-што боиш-шься меня?

Голос, вкрадчивый, как шелест листвы, мутит рассудок. Казалось, звучит он со всех сторон. А затем рука с чёрными, словно обугленными пальцами, коснулась её щеки.

– От-пусти, батюшка лесной, – с трудом просипела Яринка сквозь комок, стоявший в горле. – Не губи... Я же с дарами к тебе, к милости твоей... з-з-за вениками...

Будь они трижды прокляты, те веники, лучше бы она вообще сегодня со двора не выходила! И травы туда же – к лешему...

– Ко мне, ко мне, – усмехнулось чудище, и Яринка поняла, что ляпнула это вслух. – Куда ж ещё? Я тут вс-с-семи травами, вс-с-семи деревьями заведу, зайцы да белки мне служат, волки да медведи кланяются. Дар твой звери уже схарчили, велели благодарнос-с-сть передать. Ветвями березонь-

ки поделились, веники справные выйдут, бери, сколько пожелаешь. С-с-сама ж хотела. И не только этого хотела.

Леший приблизился вплотную. Нет, лицо скорее молодое, чем старое. Нос узкий, чуть горбатый, скулы острые, кожа белая, аж с прозеленью. Ровная – ни морщин, ни пятен. Коли не борода с усами, не стариковские брови да не глазищи страшные, может, и красивым бы показался.

Подумала об этом Яринка, и холод пополз изнутри по животу, подбираясь к горлу. Конечно же, слышал он недавнюю ссору с Прошкой. Там по улице прорва деревьев тянется, а это, как известно, глаза и уши лесового. А сок в ветвях да стволах – кровь его. Ранишь дерево просто так, веселья ради или с умыслом злым, будешь наказан жестоко.

Ляпнешь глупость несусветную или обещание, которое не сдержишь, – будешь наказан втройне. Нечисть людского вранья не любит. У Яринки потемнело в глазах от безысходности. Не иначе как сам леший её за язык и тянул...

Палец – холодный, чуть шершавый – проскользнул по губам, огладил подбородок. Не сжимая, не хватая, как деревенские парни. И не противно, если уж на то пошло. Просто... страшно очень. От лесовика не пахло мужиком, да и вообще человеком. Пах он папоротником, древесной корой, влажным туманом и холодом.

– Или врала ты, девица? – снова прошелестел он, и в его вопросе почудилась угроза. – Там, в разговоре с остальными деревенс-с-скими? Что скорее со мной бы легла, чем с ни-

ми?..

«Сожрёт, – мелькнула заполошенная мысль. – Скажу, что соврала – сожрёт непременно. Или зверям хищным отдаст. А если согласиться со сказанным в запале... Матушка моя, да что ж тогда он со мной сделает?! Он же... чудище!»

Пятерня с чёрными пальцами спустилась чуть ниже, по шее и к ключицам. Туда, где начинался вырез рубахи.

И тут в напуганную голову пришла мысль, внезапная, как вспышка молнии в грозовом небе. Из холода Яринку махом бросило в жар. Она быстро-быстро задышала. Только бы получилось, только бы получилось!..

Лешему же поведение её явно не понравилось. Он нахмурил кустистые брови.

– Што, на попятную реш-шила? Чего ревёш-ш-шь? Не по нраву я тебе? Больно страш-шен да космат?

– Не решила, – ответила Яринка, вжимаясь в ствол дерева, и слёзы наконец-то потекли по её щекам. От страха и одновременно от облегчения, но чудищу знать это вовсе не обязательно. – А реву от того, что ты такой же, как и остальные мужики! Бесстыдник да охальник, даром что в сказках наших про тебя говорят, мол, справедлив ты и людей безвинных не обижаешь, а меня уже вот... оби-и-идел!

И она разревелась. Прямо как надо – с подвыванием, хлюпающим носом, дрожащим голосом. И сквозь поток слёз увидела, как леший вытаращился на неё во все глаза.

– Чего это я бес-с-стыдник? – прошептал он. Яринке по-

казалось, с обидой. – С-с-с ума сошла?

– А то! – мигом пошла она в атаку, даром что привязанная. Но и хватка лозы в тот момент вдруг ослабла, освобождая руки. Ярина, недолго думая, ткнула лесовика пальцем в грудь. – Ещё имени моего не спросил, а уже лапищи под рубаху тянешь! Не стыдно? Вижу по глазам, что ни капелюшечки. Вот и они такие же! Затащить меня на сеновал – очередь бы выстроилась, как в городскую лавку за орехами на меду! А жениться никто почему-то не хочет, рожей не вышла и характером! И приданого у меня мало! А я замуж хочу, вот чего! Я девица честная, не гулящая!

Ох, рисковала она сейчас. Или сожрёт, или просто башку на бок свернёт за эти её выкрутасы. А то и проклятие какое наложит, и побежит она зайкой безмозглой в самую чащу, и родных забудет...

Ишь, чего удумала – лесовому хозяину дерзить, мелюзга сопливая! Он живёт на свете тысячи зим, все окрестные холмы да равнины – его вотчина. И вроде бы крепость неподалёку, и княжий двор в семи днях езды верхом, а здесь аж двенадцать поселений в округе, но лес всё равно казался нескончаемым. Люди рубили деревья для постройки жилья, выжигали землю под поля да огороды, но ни одна сила на свете не способна победить густую чащу. Ибо людской род рано или поздно сгинет, а лес как стоял, так и будет стоять.

А значит, и хозяин останется. Как без него? Хуже нет на свете, чем здешнее царство без владыки. Ибо такая нечисть

на его место в случае беды придёт, что и подумать страшно. И что с людьми да зверями сделает – тоже.

– Вот, значит, как? – лесовик прищурился, сияние в глазах чуть попритухло. – Чтош-ш-ш... не серчай, сгруппил я и впрямь. Нехорош-шо вышло.

Но прежде чем Яринка успела с облегчением выдохнуть, он снова ухватил её за подбородок. Глаза его, зелёные и блестящие, как заколдованные смарагды, смотрели, казалось, в самую душу. И тревога противным мокрым комком затрепетала в животе.

– Я правила вежес-ства знаю. Жениться, говориш-шь? Так я с-согласен. Хорошая ты девка, с-справная. Крас-сивая. И делом всегда занята, не как иные вертихвос-стки, я давно за тобой с-с-смотрю. И горячая, небось, в любви плотс-ской, даром что девица ещё. Рыжие – они завс-егда горячие.

Палец вновь скользнул по губам.

– Ладно. Готовь-ся к свадьбе, крас-с-савица моя. Как веселье нынешнее у племени людс-ского схлынет, так и отпразднуем. А приданое мне твоё не надобно. У меня всего хватает, с-сама увидишь. Будешь в парче да бархате ходить, на золоте есть, на пуховой перине с-спать. А на пляс-ски ваши сегодня не ходи, ни к чему. Опас-с-сно это, вдруг случится чего?

А затем он шагнул к обомлевшей Яринке вплотную и наклонился, будто пытаясь поцеловать. На миг ей почудилось, будто губ коснулось дыхание – нездешнее, холодное, травя-

ное.

Дальше она уж ничего не помнила – в глазах потемнело, а ноги подкосились. Провалилась во мрак без вкусов, цветов и запахов, только звон препротивный в ушах стоял. «Руда в жилах порой так шумит от беспокойства, аж набатом в голову отдаёт», – вдруг вспомнила она слова дядьки Бориса. А затем поплыла по невидимым волнам, бестелесая и нагая, искоркой-душой.

И сколько так плавала – одним богам ведомо. Но очнулась на закате, когда в ухо ткнулся чей-то сопящий мокрый нос. Взвизгнула, подскочила с земли и только успела заметить круглый зад здоровенного ежа, улепётывавшего со всех ног в кусты. Неизвестно ещё, кто кого больше напугался! Почесала зудевшее ухо, вытащила из спутавшейся косы несколько сухих листьев. Огляделась по сторонам – ни тумана, ни лешего. Птицы горланят в берёзовых кронах, спорят, кто кого перекричит. И мха под спиной не обнаружилось, как раз наоборот: хребет ныл и чесался от долгого лежания на древесных корнях.

– Примерещилось, чтоль? – ошалело пробормотала она, потирая взопревший от жары лоб. Тут же поморщилась – и искупаться не успела. Сейчас всю деревенскую молодёжь к речке вынесет на суженых гадать. Вот же леш...

И осеклась, сама себя стукнула по губам. Огляделась – ни следа пугающего гостя. Только ветки рядом лежат, прямо одна к одной ровненькие, красивые, хоть сейчас веники вяжи

да сушиться вешай. По состоянию их было видно, что работали острым лезвием. Рядом у корней, подтверждая её мысли, лежал нож, весь в древесном соке.

– Я сомлела от жары, похоже, – выдохнула она с облегчением. – Воды с собой не взяла, пожалела руки, чтобы лишнего не тащили, а в итоге и голову напекло. Ужасы всякие мерещились, даже у бабки в сказках таких страстей не было!

В самом деле, не леший же ей берёзовых прутьев настругал. Всякий знает – нечисть никак не может к железу и серебру прикасаться. Богами ей запрещено, и старыми, и новым. Значит, всё сама сделала, а потом сморило за работой, и вот тебе, пожалуйста, – едва замуж не вышла! Яринка не выдержала и захрюкала со смеху.

В груди сделалось жарко и легко. Всё позади, это просто морок. Нет никаких чудищ, день сегодня ясный, а ночь ещё яснее будет, полнолуние же. Да, за травами в лес идти больше нельзя, уж очень реальным кошмар оказался. До сих пор поджилки от одной мысли о невольном замужестве тряслись.

Вдоль берега Коврижки надо поискать, когда девки с парнями по окрестным рощам да сеновалам разбегутся. Вода в ночь Ивана-травника тоже великую силу обретает. А если и там нечисть водится, так её хмельные мужики отпугнут.

Яринка торопливо собрала ветки, увязала их лентой, положила на пенёк вторую краюху хлеба и побежала в деревню.

Дома тем временем царила суета. Бабка Агафья едва ли не с порога встретила старшую внучку бранными словами, но взгляд у неё бегал туда-сюда – неужто и впрямь переживала?

Мысли Яринки подтвердил и дед, сидевший у стола с миской щей в узловатых пальцах. Он давно уже передвигался с трудом, и руки порой тряслись, как у больного падучей. Поэтому и ел из деревянной миски, иначе в избе ни одной бы целой глиняной посуды не осталось.

Яринка облокотилась спиной на прохладную бревенчатую стену. От облегчения кружилась голова – она дома! А Прощка с друзьями... Да что он ей сделает? Ну обольёт грязной водой, так она придумает, чем отомстить, да так, чтобы отец-староста ничего не заметил. С их семейством тоже враждовать не с руки.

– Бабка за тебя беспокоилась, – шепнул дед Еремей, когда Агафья выгребла золу из печи и понесла на улицу. – После полудня как заметалась по избе, за сердце хватаясь. Беда, говорит, с Яринкой стряслась, надо бечь да искать. Я едва остановил. Куды, говорю, старая, собралась? Соседей повеселить разве что. Яринка и волка по хребту палкой огреет, не побоится. Самая бойкая из здешних девок. Погодь до вечера, сама вернётся. И вот, так оно и вышло. И чего переживала?..

Он грустно вздохнул.

– Но ты её, внученька, всё равно побереги. Сама же знаешь, как страшно ей и тебя ещё потерять. Ты и так по березнякам да ельникам цельными днями бегаешь, как тот лесовик...

Внучка в ответ согласно закивала, хотя горло враз пересохло. Чувала ведь бабка беду, не зря чувала. Вдруг всё же не примерещилось?

Остаток дня прошёл как во сне. Яринка развесила над лавками веники на просушку, отчего по избе вскорости пошёл хороший терпковатый дух увядающих листьев. Заставила себя поесть – ещё ж к Коврижке вечером идти. Тем более Варя вернулась на закате и с довольным видом заявила, что на общую гулянку не собирается, потому как с Ванькой повздорила.

– Я им всем сказала, что тебе буду с травками помогать. Насобираем добра всякого, запасы на зиму сделаем... – мечтательно сказала она, вытягиваясь на лавке во весь рост. – Маришка с Евлашкой просились с нами, мол, Яринка знает, где всё самое полезное для красоты растёт, а я их припугнула. Нельзя, говорю, вам в лес. У Яринки дар, а у вас глупость одна. Леший ночью украдёт, будете знать!

Яринка тут же вскипела.

– Варька, ну сколько раз говорено, что нельзя в такие дни нечистую силу все поминать?! Хочешь, чтобы взаправду явился? Будешь ерунду всякую молоть – не возьму с собой, объясняй потом Ваньке своему, почему ты дома весь празд-

ник просидела!

Вскочила с лавки и удрала, делая вид, что не замечает, как обиженно дрожит у сестрёнки нижняя губа. Заплачет поди. Тут же стало стыдно. Но Яринка отогнала от себя дурные мысли и направилась в коровник, проверить, чисты ли стойла. Ибо лучшее средство от любой тоски и хандры – дело, которым можно занять руки.

К вечеру она как раз успела вычистить навоз и присыпать пол душистой соломой, а затем вымыться в баньке. Была она крохотной, но добротной: предбанник с двумя лавками да столом, мойка и парилка. Здешнюю печку-каменку никто не топил – париться семейство будет в субботу, как все добрые люди. Но плескаться у домашней печи после труда в хлеву тоже неправильно: навозный дух по избе разойдётся. И ароматные веники его не перебьют.

Собралась уже затемно. В привычное лукошко легла старая дедова рубаха, в которую можно было заворачивать травы, требовавшие отдельного от остальных хранения – колюку, дурман, адамову голову, что использовалась для многих дел, от заживления ран до окуливания охотничьих силков. А ещё старики говорили, что она каким-то образом помогает увидеть нечистую силу.

«Я и без адамовой головы её сегодня видела, – невольно фыркнула Яринка. – Достаточно было солнца, что напекло дурную башку».

Варька уже ждала её – заплаканная, с распухшим носом, и

Яринке стало её очень жалко. Повиниться, рассказать о случившемся? Нет, нельзя. Худое дело поминать нечисть в ночь Ивана-травника – снова явится. От одной мысли о лешем, что её едва не поцеловал, у Яринки подкашивались ноги.

Потом расскажет. Через седмицу, не раньше. Или зимой, когда землю укроет снегом, люди осядут по домам, а в лесу примет власть боярин Мороз с длинной седой бородой и жена его, владычица Стужа. Тогда и можно – дома у печки, под защитой икон и чуров. Поэтому она лишь виновато обняла Варьку, коснулась губами её лба и шёпотом попросила вместо венчика надеть платок, чтобы комарьё не сожрало.

Улица была пуста, лишь в открытые окна кабака лился многоголосый мужицкий гогот. И то правильно. Куда ж им ещё? Неженатая молодёжь ближе к лесу да речке удрала: костры жечь, венки по воде пускать, плясать с тем, кто по сердцу, до рассвета миловаться и звёзды считать. А дитя следующей весной народится – так никто мать не осудит. Хорошее время, всё можно в эту ночь.

Ярина и Варя весёлую кутерьму, полную факельного дыма и задорного девичьего визга, обошли: травы собирать надо со спокойной душой и ровным сердцем. Глаза должны и в темноте находить нужный стебелёк или листик, нос должен чутя правильные запахи. У плакун-травы аромат свежесорванного бурьяна и мёда, у полевой рябинки – горького вяжущего зелья. А вот кочедыжник ничем не пахнет, его найдёшь, только ежели знаешь, где и что искать. А как искать,

если дым с костровой гарью ударят в ноздри и голову?

Поэтому и выбрались из деревни косогором. Зацепили лишь самый краешек поля и то бежали, согнувшись в три погибели, чтобы из-за кустов их никто не заметил.

Впереди показалась Коврижка, речушка тихая, полноводная, но характером дивно покладистая. Кое-где по берегам её, изъеденным ветром да высушенным солнцем, обживали норы вострокрылые ласточки. Вдалеке за пригорком по воде, что в ночи казалась чёрной, плясали крохотные огоньки – это девки венки пускали с зажжёнными свечами внутри. Заручались благословением огня и воды, просили себе счастья в любви.

Но сёстры держали путь чуть дальше: к небольшой развилке, где рукой было подать до второго моста, добротного, который выдержал бы и отряд конников. Справное местечко – лес рядом, ивы практически над водой растут, и берега пологие, можно спуститься к самой реке. А там уж трав целебных прорва, собирай не хочу. Будут к зиме здешним невестам на выданье лучшие притирки для белизны лица, а старикам – масло от костоломной болезни, когда так колени к ненастью выкручивает, хоть на стену лезь.

Ярина спустилась сама, помогла скатиться Варьке, в темноте весьма неловкой. Подошвы кожаных поршней проскользывали по густо выпавшей росе. Прижала палец к губам – не шуми, мол. Огляделась по сторонам – и замерла.

Прямо у воды на широких листьях папоротника искри-

лись россыпи золотистых звёзд. Варя раскрыла рот, а затем сделала шаг в ту сторону.

– Стой, куда?! – зашипела Яринка, хватая сестрицу за руку. Ну что за недотёпа, а? – А вдруг это морок колдовской?

– Яринка, это ж папоров цвет! – запищала та возмущённо. – Пусти! Бабка ж говорила, под ним клад надо искать! Разбогатеем, приданое тебе заведём, как у знатной боярыни! И мужа в самой Торуге найдём!

– Да не хочу я никакого мужа! А значит, и богатое приданое мне ни к чему!

Она от одного-то жениха сегодня еле удрала, пусть во сне, зато страх был самым настоящим, хватило по горлышко!

– Ну и ладно, – отмахнулась упрямица. – Значит, деда к князьему лекарю свозим, вдруг знает, как его на ноги поставить? А то горбатимся втроём на хозяйстве, сил уже никаких...

«Уж молчала бы, горбатится она», – невольно фыркнула про себя Яринка, но всё же сдалась. Взявшись за руки, они осторожно, едва ли не на цыпочках, подошли к зарослям. Обе вытянули шеи, пытаясь разглядеть, что же здесь происходит.

Звёздочки вели себя странно, будто живые. Качались над листьями, подмигивали, завораживали. Речка тихонько шумела в такт их монотонному движению. Яринка сама не заметила, как выпустила Варькину ладонь, сделала шаг, ещё один. Кожаные подошвы захлюпали по мокрым камням, но

вода оказалась не ледяной, она приятно обволакивала натруженные за день ступни, ласкала, шелестела тихонько, приглашая войти поглубже. Лунные блики скользили около ног, взбирались под подол, и невесть откуда взявшийся смех – лёгкий, переливчатый, как жемчужовые бусины, – заставлял Яринку улыбаться в ответ. Как же хорошо! Как же хо...

Да уж, хорошо, что хватило разума взглянуть себе под ноги. Из толщи речной воды, куда Яринка залезла уже по бёдра, на неё лупилась здоровенная харя, смахивавшая на лягушачью. Вокруг беззубого рта спутанными клочьями водорослей качалась бородёнка, ровно такие же космы, только погуще, шевелились вокруг головы. Глаза величиной с половину бабьей ладони смотрели на незваную гостью, не отрываясь.

Ох, как же она заорала! Казалось, от крика её треснет пополам берег. Сзади завизжала Варя. Вот она кинулась к Яринке, вцепилась в юбки и потянула на себя – откуда только силёнки взялись? Напрасно – пятки словно приклеились к камням.

Чудище поднялось во весь рост – аршина три будет, не меньше. Жирное брюхо, покрытое пятнами, вздымалось и тут же опадало. Борода и патлы на воздухе повисли мокрой, вовек нечёсаной копной болотной тины. Оно что-то булькнуло, выплёвывая воду, затем протянуло перепончатые лапы и крепко схватило Яринку за плечи.

Новый ужас, ещё сильнее прежнего, сковал нутро. Лесовой со своими вениками хотя бы отдалённо походил на че-

ловека и зла ей пока что никакого не сделал. Водяник – а это был именно он, Яринка не сомневалась – оказался похож на перекормленную жабу. И уж насчёт его интереса к молодым девицам все сказки да предания сходились в одном – сначала утопит, потом в жёны возьмёт.

Но едва жабья пасть довольно ухмыльнулась, как Яринка ощутила, что ивовые ветви, качавшиеся над берегом, вдруг резко нагнулись едва ли не к самой земле. А затем бросили плети-побеги в воду, оплели ей живот и локти и дёрнули вверх. Рядом охнула Варька – сестрицу тоже подхватило ветвями и понесло на безопасный берег.

Водяник зарычал, низко и с прибулькиванием. Река поднялась и захлестнула берега. Жирное пупырчатое тело ползло за ними. Одну лапищу тварь разжала, но вторая стиснула Яринке ногу с удвоенной силой. От боли потемнело в глазах, и она даже не заметила, как практически у самого локтя в воду, затопившую ивовые корни, скользнуло что-то большое и косматое.

Мир вокруг вспыхнул сотнями зелёных лесных огоньков. Ярче всех горели два – в глазницах разъярённого лешего.

– Убrrrrrrrrрал лапищи! – заревел он разбуженным среди зимы медведем, а затем оглянулся через плечо и добавил, уже потише, но не менее грозно: – Велел же дома с-с-сегодня с-сидеть! Ну что за девки пошли, ни разума, ни с-страха...

Водяник ослабился. Жабья пасть растянулась от уха до уха, являя миру треугольные зубы, какие и приписывала

молва речной нечисти.

– Б-было ваше, стало наше! – довольно булькнул он, не разжимая пятерни. Но хотя бы тянуть перестал. – У меня эта девица давно на примете, так что иди, дальше мхом зарастай, головёшка лесная!

Глаза лешего вспыхнули ещё ярче, белые волосы на голове зашевелились как живые.

– Выволоку наружу да отхлес-с-стаю крапивой по бокам, – зашипел он, и руки его, похожие на деревянные сучья, начали удлиняться. – Не пос-с-мотрю, что ты здеш-шними водами владееш-шь. Берёзам прикажу все берега затянуть, они за год-другой вс-сю воду в себя вберут, полям отдадут, а ты останешьс-ся квакать в тине!

– Эй, ну чего ты? – вмиг сник водяной, его рожа пошла цветастыми пятнами, брюхо побледнело. Но в следующий миг он оживился: – А давай девок поделим? Их тут две, смотри! Старшую бери себе, так уж и быть. Рыжие – они горячи, но непокорны, я непослушания не терплю. А б-беляночку – мне...

Варька, висевшая в объятиях дерева и глотавшая слёзы, тоненько закулила. А Яринка так и вскинулась.

– Не надо! Это сестрица моя!

И затараторила, давясь словами:

– Пожалей нас, господин лесной, спаси от утопления! За-муж за тебя пойду сразу же, как захочешь, верной женой буду... Клянусь жизнью своей!

И прикусила губу. Расплакаться бы сейчас, да слёзы махом высохли, а отчаяние затопило душу. Всё, обратной дороги нет. Дневной морок был правдой, не сном.

Да только живой быть лучше, чем мёртвой, как ни крути. Пусть жизнь в глухом лесу без родных и близких. Пусть в друзьях ходят ежи да белки, волки да медведи. Пусть из еды только грибы да ягоды на мшистом пне — откуда у лешего золото и аксамит? И пускай постель из мха да прелых листьев, и пусть муж страшный, седой да бородатый — живут же бабы и со стариками беззубыми, всякое в жизни бывает. Все терпят, и она не хуже.

А водяник утопит их с Варькой и всё. Будут обе потом с другими мертвячками плясать в бледном свете луны, всклооченные волосы гребнем чесать, парней в сети заманивать. Человечину жрать, сладкую руду пить прямо из жил ещё трепыхающегося молодца...

Лучше уж с лешим. Он хотя бы за всё живое. И Варька ему, поди, не нужна, отпустит с миром. Замуж за своего Ваньку выйдет, прекратит дурью маяться. Муж с коромыслом всяко приятнее, чем с перепонками да жабрами. Сестрица как раз примолкла и перестала биться в ветвях, лишь моргала испуганно. Яринка сама виновата — не рассказала ей, что сегодня в лесу произошло.

Да и какое теперь это имело значение? Выпутаться бы, выйти невредимыми из передраги! Яринка с мольбой смотрела на лешего, и почему-то сейчас, с горящими в темноте

глазами, с белой копной спутанных волос и телом, что поросло мхом от макушки до пяток, казался он менее страшным, чем огромная жаба из Коврижки.

Лесовой глянул на неё в ответ задумчиво и словно бы печально. Затем повернулся к речке:

– Не с-согласен. Девушка младшая мне теперь с-с-свояченица. А значит, нечего тебе, образине, даже с-с-смотреть в её сторону! Обе мои, и я их защи-щаю. А теперь убрал грабли, как и было с-с-сказано!

Река вздыбилась медвежьим хребтом, затем опала на землю, захлестнув и берег с ивами, и лесовика. Но тот будто не видел и не слышал ничего, он с пугающей скоростью ринулся на водяного, прямо на ходу ошестиниваясь острыми сучьями.

Водяной завизжал, словно баба, увидевшая в печном горшке вместо каши здоровенную крысу. Но всё же извернулся, отпустил Яринкину ногу, схватил лешего за волосы и потянул на себя. Тот взлетел над толщей воды, как пустая высохшая колода, а затем оба опрокинулись в реку.

Девочек отбросило подальше на берег, миг – и гибкие ветви, оплетавшие их тела, расслабили хватку и поползли назад. Вода клокотала, словно кипевшие щи в котелке, только вместо привычных репы, лука да моркови с капустой в ней плавали обломанные сучья, клочья ряски да тины. Да показывалась на поверхности то белая борода, то жабы вытаращенные зенки: нечисти дрались, как озлобленные хмельные мужики у ворот кабака. Леший явно был ловчее и двигался

проворнее, но водяник в своей стихии, она ему помогает.

– Бежим! – взвизгнула Варька, хватая сестру за руку.

Но Яринка оставалась на месте, не сводя глаз с бурлящей поверхности реки. Сердце билось в клетке из рёбер, будто вот-вот её проломит. Не хотела она никуда бежать, страх заставлял стоять на месте.

Не за себя страх. За него, нечаянного жениха. Который не обязан был спасать девку, не умеющую держать язык за зубами. Ещё и наглуую – при первой встрече замужества потребовала! Но согласился же, значит, понятие о чести и благородстве имеет.

И заступился за бедовую свою невесту сразу, в день знакомства, хоть она его и ослушалась.

И Варька осталась, дрожа и заливаясь слезами. И тоже глядела на воду, в которой двое бились насмерть.

Но вот жабоподобное чудище взвыло, заперхало, заплескало лапами – леший взял верх и теперь с рыком поволок его на сушу. Однако водяник вывернулся из ломких сучковатых пальцев и с воплем рухнул назад в спасительную реку. Нырнул – и только круги по воде пошли.

И стало тихо-тихо. Только шелестели ивы, поглаживая ветвями мокрый берег и шатавшегося от усталости хозяина. Лесовик нехорошо кренился на бок, руки уменьшились до привычных, почти человеческих. Чёрные пальцы мелко-мелко дрожали, точно у живого мужика, натрудившегося за день едва не до потери сознания. Он сделал шаг, другой и

с тихим стоном осел на колени.

Яринка кинулась к нему, забыв обо всех страхах. Подхватила за плечи, удержала от падения ничком в траву. И с ужасом увидела, как по груди его медленно расплывается тёмное пятно.

И кровь у лешего в жилах тоже текла, как у живых. Правда, старики бают, что синяя она, потому и бледны лесные обитатели, никакое палящее солнце их не берёт. Но какое значение сейчас имел её цвет? Их с Варькой спаситель был ранен и, возможно, умирал. В груди его всё klokотало с каждым силным вдохом и выдохом.

– Варька, дедову рубаху давай! Там, в лукошке! – крикнула Яринка, укладывая несчастного головой себе на плечо. Зашипела сквозь зубы – холодная вода с белых волос тут же начала стекать за шиворот, прямо по груди. Кожа вмиг покрылась пупырышками.

Варя торопливо сунула ей мятый холщовый комок, и Яринка хотела было прижать его к ране, но вдруг остановилась. словно неведомая сила завладела её руками, а таинственный голос шепнул в ухо совсем иное. И она, сама не понимая, что творит, вскочила, придерживая дрожащего лесовика за плечо. Затем выпрямилась, встряхнула рубаху – и накинула её на затянутые мхом плечи.

Тело лесовика вспыхнуло зарницей. Яринка отшатнулась, зажмурившись, прикрыла ладонями глаза. Сзади громко ахнула Варя.

Яринка смахнула со щёк набежавшую влагу, разомкнула веки...

Лешего на берегу не оказалось. Вместо него сидел, скрючившись и дрожа всем телом, голый мужик. Худой, голенастый, заросший бородищей по самые уши, взлохмаченный. Но волосы оказались совершенно обычными, тёмными, треть княжеского подворья с такими ходит. Он поднял на девиц глаза – дикие, напуганные, но тоже человеческие.

– Проклятый, – всхлипнула позади Варька. – Обращённый в чудище против воли...

И Яринка сразу вспомнила предания из тех, что бабка в редкие спокойные дни у печки по вечерам рассказывала. Да, чаще всего лешие живут одни, кличут родней зверьё да самые старые деревья в округе. Но порой и людей воруют. Девок и молодых баб – знамо дело, для чего, старух – чтобы за маленькими лесенятами приглядывали. А мужиков в самом расцвете да детей – для услужения.

И тогда правильно, что в каждом уголке чащи свой отдельный хозяин имеется, навроде воеводы при князе. Буде у лесного владыки хоть тысячи пар глаз и ушей – за порядком в огромной вотчине в одиночку всё равно не уследить. Для этого и нужны помощники.

А чтобы те не разбежались, даёт им владыка не только колдовскую силу да способность подчинять своей воле всё, что в округе растёт и бегаёт, но и привязывает крепко-накрепко к месту проклятием. Удрать не смогут – неминуемо

зачахнут и умрут по дороге, а то и просто дубовой колодой станут, сухой и безжизненной. А ежели прямо посреди людского места?

И внешность им меняли на какую-нибудь страшенную, чтобы честной народ в стороны от одного вида разбежался. Назад оборотиться они могли лишь ненадолго, от простых, но приятных любому человеку вещей – густой и горячей пищи, бани да чистой одежи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.